

П

ожалуй, самая полная фото-тека воронежских писателей и поэтов была у Виктора Панкратова. В писательской среде он слыл человеком динамичным: был функционером Воронежского отделения Союза писателей РСФСР, к тому же плодотворно работал в журнале «Подъём». Выпускал публицистические, искусствоведческие, поэтические книги. Ему чаще, чем кому-либо другому приходилось встречаться с коллегами. И всегда с ним был фотоаппарат, и, улучшив момент, Виктор Федорович увлеченно снимал происходящее.

«Мне повезло, я уйму писателей через сердце пропустил», — говорил он. Правда, с подавляющего числа пленок он никогда не печатал фотографии. В 1990-е, когда я стал посещать его квартиру, больше похожую на музей, фотолаборатории в ней не было. Трудно сказать о причинах, заставивших поработать с его фотографическим архивом. Зимой 1998 года я стал брать эти пленки для обработки и по мере готовности возвращал

хозяину. Он, просматривая снимки, не сразу поверил, что получится что-то стоящее.

Откровенно говоря, удовольствия от такой работы было мало, но все-таки иногда это увлекало, было очень любопытно смотреть на сюжеты человека, снимавшего коллег. Передвигая кадры в рамке увеличителя, я следил за развитием событий, видел, как Виктор Федорович менял точки съемки и ракурсы, пытался расшевелить модель. Произошла странная и необъяснимая вещь: техническая палитра поэта-фотографа позволяла как бы следить за ходом его мыслей, знакомиться с внутренним миром его героев. Так что о том, что Панкратов способный, более того, талантливый фотограф, знаю теперь не понаслышке.

Условились, что я буду печатать все крупноплановые портреты. В итоге получилось пятьдесят снимков воронежских поэтов и писателей, многих из них уже не было в живых. Если учесть, что делались дубли, а на негативах были не только писатели, то работа проделана, несомненно, большая.

Виктор Панкратов у себя дома. Фото Н. Стребкова

Евгений Новичихин

Иван Евсеенко

Когда фотографий набралось достаточно, начали мечтать о выставке. Однако многое еще нужно было доделать. Правда, Олег Ласунский убедил Панкратова выступить на краеведческих чтениях и подготовить небольшую экспозицию.

И все же, когда мы планировали выставку, задумка была другой. Сами по себе фотографии мало что значили. Должна была присутствовать добротная пояснительная часть, придумали несколько вариантов, как ее подать. К тому же многие фотографии нужно было переделывать. Некоторые негативы требовали, по меньшей мере, свежей контрастной бумаги: неплохие снимки получались жухлыми, потускневшими. Почти все приходилось, чтобы получить более-менее удовлетворительный результат, впоследствии ослаблять. Много времени уходило и на ретушь. Однако тема была заявлена на Кольцовско-Никитинских чтениях, и надо было срочно все доводить до ума. Но на самом финише работ нас поджидало катастрофическое событие. В квартире Виктора Федоровича случился пожар.

Пришлось выкручиваться по-простому: Панкратов наклеил портреты на небольшие листы ватмана формата А-3. Сам на встрече, расстроенный происшествием, он не присутствовал. Материал, по отзывам видевших эту скомканную

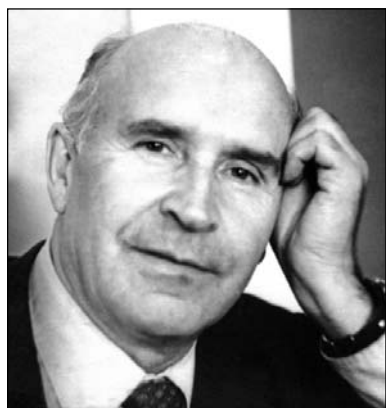
выставку, впечатления на присутствующих не произвел.

Негативы, к счастью, уцелели после пожара. Позднее, во время встреч, Панкратов несколько раз выражал намерение (последний раз за полгода до кончины) передать их мне. Однако довести дело до нужного результата у нас не получилось: было недосуг ни ему, ни мне. А потом поэта-фотографа не стало...

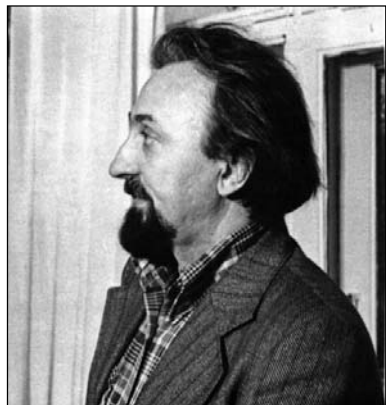
Теперешняя судьба панкратовских негативов неизвестна, но у меня сохранились дубли и варианты тех самых отпечатков, что мы готовили к выставке. Снимки, повторяюсь, печатались на старой и не совсем качественной бумаге, поэтому отношусь к ним бережно. По моим представлениям, для истории воронежского писательского сообщества они весьма ценны. Да и просто греют они мне душу как память о совместном проекте со столь неординарной личностью, как Виктор Федорович Панкратов.

А еще о тех днях напоминают мне не только эти фотографии и пленки, но и поэтические строки Виктора Панкратова, которые он приурочил к Кольцовско-Никитинским чтениям и открытию своей фотоэкспозиции в октябре 1998 года:

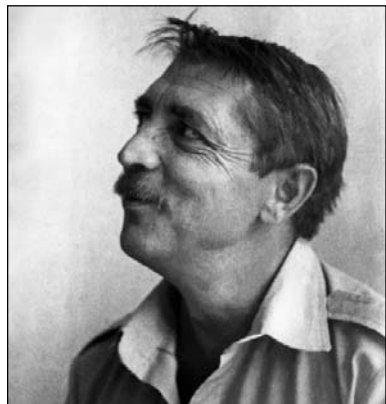
...Не одолело серое забвенье —
боярствовал недолго негатив.
Остановил летучее мгновенье
Бесстрастный,
зоркий фотообъектив.
Как мини-молнии —
салютных вспышек блики.
От давних снимков на душе светло.
Я радуюсь:
писательские лики
скупое время
нам вернуть смогло...
Тепла и постоянства Мира —
скрестье...
Ушли творцы, его отобразя:
и вот с живыми —
здесь собрались вместе
минувших лет
надежные друзья...

Виктор Попов

Эдуард Пашнев

Олег Шчевченко